

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

Отрывокъ изъ дневника одного изъ заговорщиковъ. *)

Павле, Павле, кто тебя д...?
Добрый баринъ фонъ-деръ-Палень.

(Современная поговорка).

Только что Павелъ наследовалъ Екатеринѣ, первая мысль всѣхъ тѣхъ, которые хорошо знали Русскую исторію и природныя качества новаго Государя, была та, что монархъ этотъ не сохранитъ долгое время бразды правленія; рожденный съ жестокимъ характеромъ, который хотя бы и могъ быть укрощаемъ воспитаніемъ болѣе рачительнымъ, Павелъ еще страдалъ отъ притѣсненій властолюбивой матери и онъ подозрѣвалъ также въ своей супругѣ намѣренія, подобныя тѣмъ, кои возвышали Екатерину.

Этотъ царь имѣлъ постоянно передъ глазами своими опасности, которымъ могъ бы подвергнуться онъ, по причинѣ народной приверженности къ Маріи Феодоровнѣ. Онъ смотрѣлъ на дѣтей своихъ не иначе, какъ на наследниковъ, могущихъ у него оспаривать престолъ. Вступивъ спокойно на престолъ этотъ, который мать постоянно хотѣла отказать ему, Павелъ I имѣлъ тогда только небольшое число приверженцевъ, недовольныхъ прошедшимъ царствованіемъ.

Между тѣмъ, нѣкоторыя умныя распоряженія, безпрестанныя доказательства величайшаго вниманія къ справедливости—мудрыя усмотрѣнія, поведеніе, достойное вообще похвалъ, и нѣкоторыя черты, выказывающія душу благородную и возвышенную, вскорѣ пріобрѣли по-

*) Списано съ подлинной рукописи, хранившейся въ архивѣ д. с. с. Случевского. Рукопись написана въ четвертку по 28 строкъ, такъ называемымъ Екатерининскимъ, почеркомъ на синей грубой бумагѣ; чернила значительно пожелтели.

вому Императору привязанность Русскихъ и уваженіе иностранныхъ державъ.

Но этотъ Государь, который подъ надзоромъ матери ревнивой къ своей власти, сносилъ иго ея съ большимъ нетерпѣніемъ, какъ скоро освободился отъ него, то склонности его, уже съ самаго начала, имѣли гибельное направленіе.

Верховная власть была для него ничто иное, какъ возможность безпрепятственно предаваться строптивымъ капризамъ своимъ и черезъ это, самое правленіе его ознаменовалось совершенною противоположностью всякому порядку вещей и прямымъ забвеніемъ своего сана.

Уже прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ потеряли всякую надежду привести Императора на путь здравый. Графъ Паленъ, который раздѣлялъ съ нимъ безгранично силу верховнаго владычества, увидѣлъ наконецъ необходимость положить границу мучительной власти, которая ежечасно выказывалась въ его жестокихъ и безчеловѣчныхъ дѣйствіяхъ.

Этотъ главный начальникъ внѣшнихъ дѣлъ, полиціи и военный губернаторъ Петербурга, рѣшилъ наконецъ посовѣтоваться съ великимъ княземъ Александромъ, о способѣ остановить гибельныя послѣдствія. Онъ объяснилъ великому князю все то, что подобное теченіе дѣлъ можетъ произвести какъ внѣ, такъ и внутри государства.

Онъ настроилъ великаго князя помышлять о перемѣнѣ отъ опасностей, въ успѣхъ чего онъ былъ вполне увѣренъ, по способамъ исполненій, которыми онъ могъ располагать.

Графъ Паленъ по своей должности былъ извѣщаемъ обо всемъ, что происходило, могъ дѣйствовать немедленно и располагать исполненіемъ безъ отсрочки. Великій князь отвѣчалъ ему при первомъ его открытіи, что онъ не можетъ не согласиться съ нимъ въ несправедливостяхъ Императора, но что Императоръ отецъ его и, будучи сыномъ, онъ не можетъ никогда рѣшиться, чтобъ лишить его верховной власти, какія бы несчастія не могли произойти отъ продолжительнаго его царствованія.

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ жестокость правленія болѣе выросла; графъ Паленъ снова заговорилъ объ этомъ съ великимъ княземъ; онъ

нашелъ его уже менѣе прежняго удаленнымъ отъ тѣхъ намѣреній, кои онъ внушалъ ему, но все еще удерживаемаго почтеніемъ къ отцу своему, которое имѣло всю личину боязни къ власти этого монарха. Между тѣмъ велѣніями Павла болѣе двадцати шести знаменитыхъ лицъ были скрыты по казематамъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1801 года.

Графъ Паленъ повторилъ слова и представленія съ большими просьбами. Великій князь, вынужденный этими обстоятельствами, наконецъ согласился съ нимъ, но съ сожалѣніемъ и прежде получивъ вѣрное обѣщаніе не покушаться на жизнь Императора, но удовольствоваться его арестомъ, потребовать отъ него актъ отреченія и привести подъ кроткимъ карауломъ въ Петропавловскую крѣпость.

Одно неожиданное происшествіе ускорило исполненіе этого предпріятія.

Графъ Паленъ былъ извѣщенъ, что Павелъ, который, съ нѣкотораго времени, казался, началъ имѣть подозрѣніе, подписалъ самъ противъ своего обыкновенія одну депешу.

Графъ Паленъ одинъ только имѣлъ право на эту подпись. Онъ какъ будто изъ подозрѣнія остановилъ курьера, который несъ эту бумагу, и узналъ истинное содержаніе этихъ депешъ, ввѣренныхъ курьеру.

Впослѣдствіи узнали, что предметомъ содержанія ихъ былъ вызовъ въ Петербургъ двухъ лицъ, которыхъ Императоръ долженъ былъ бы сослать по причинѣ ихъ безчеловѣчія въ исполненіи его приказаній...

Согласно показаніямъ, эти двѣ особы назывались: Ланднеръ и Аракчеевъ. Первый бывший военный губернаторъ Петербурга, другой—комендантъ крѣпости, должны были явиться снова къ своимъ должностямъ.

Императоръ полагалъ, что они могутъ пособить въ удаленіи своей фамиліи; заточить императрицу и двухъ сыновей, и тѣмъ избавиться, наконецъ, отъ всѣхъ тѣхъ, которые казались ему подозрительными.

Графъ Паленъ съ депешами, отнятыми у курьера, явился къ Павлу и объявилъ ему, что, безъ сомнѣнія, кто нибудь попытался обмануть

его, подписавъ подъ его руку бумаги, которыя онъ одинъ обязанъ вручить подъ собственную свою отвѣтственностью фельдъегерю.

Смущенный Императоръ отвѣчалъ, что это онъ самъ имѣлъ свои причины для подписанія депешъ. „Такъ я послѣшу возвратить ихъ курьеру,“ отвѣчалъ графъ Паленъ. Думаютъ, что Паленъ, покорный приказаніямъ своего Государя, почувствовалъ въ этотъ разъ, болѣе чѣмъ когда либо, необходимость, предупредить его неумѣстнымъ исполненіемъ принятыхъ мѣръ.

„Вы помните, что происходило въ 1762 году?“ спросилъ нѣсколькими днями прежде Императоръ своего министра. — „Да, государь. „Я былъ тогда сержантомъ гвардіи, отвѣчалъ Паленъ.“ — „Я, думаю, продолжалъ Павелъ, не захотятъ ли и нынѣ повторить прошедшія сцены.“

„— Можетъ быть точно, государь, — отвѣчалъ Паленъ, — что нѣсколько человѣкъ составили этотъ планъ, но не такъ то легко нынче привести его въ дѣйствіе, какъ прежде; не было, какъ теперь войско въ рукахъ Государя, полиція не была въ такомъ совершенствѣ, какъ въ нынѣшнее время, наконецъ отецъ вашъ не былъ коронованъ, а вы были.“

Императоръ, казалось, былъ углубленъ въ эти размышленія, и кончилъ разговоръ, въ которомъ Паленъ показалъ свой умъ, присутствіе духа и смѣлость.

Между тѣмъ подозрѣнія Императора увеличивались съ каждымъ днемъ. Въ одинъ вечеръ онъ повторилъ нѣсколько разъ, будучи въ худомъ расположеніи духа, госпожѣ Гагариной, у которой онъ находился: „Я вижу, что пора нанести великій ударъ.“ Онъ то же самое говорилъ и своему оберъ-штабмейстеру Кутайсову, прибавя: „послѣ этого мы заживемъ съ тобой, какъ два брата.“

Этотъ „великій ударъ“ состоялъ въ заточеніи императрицы въ Холмогоры, отстоявшіе въ 80 верстахъ отъ Архангельска, мѣсто дикое и пустынное, гдѣ несчастная фамилія Ульриха Брауншвейгскаго томилась въ продолженіе многихъ лѣтъ. Шлиссельбургъ долженъ былъ служить мѣстомъ заключенія великаго князя Александра; Петропавловская крѣпость была назначена князю Константину; графъ Паленъ и другіе должны были погибнуть на эшафотѣ.

Госпожа Гагарина, пораженная грозными словами императора, имѣла простоту сказать: „я не придумаю, что онъ понимаетъ подъ великимъ ударомъ, который хочетъ нанести.“ Всѣ сіи слова переданы были Палену, который въ свою очередь сообщилъ ихъ великому князю Александру; великій князь, вынужденный опасностью, согласился на все, съ договоромъ сохранить жизнь отца его.

Несмотря на трудность вѣрнаго поручительства въ этомъ обстоятельстве, Палень обѣщалъ, между прочимъ, сохранить дни Павла, во всякомъ случаѣ. Этотъ замыселъ долженствовалъ совершиться 10 Марта, но великій князь настаивалъ, чтобъ его отложили до слѣдующаго дня, потому что въ этотъ день караулы дворца должны были занимать баталіонъ Семеновскій, которымъ командовалъ лично самъ Константинъ, и который былъ преданъ императору.

Палень согласился на желаніе великаго князя. Михайловскій замокъ, построенный Павломъ на мѣстѣ стараго лѣтняго дворца, есть огромное, не безъ вкуса построенное зданіе, окруженное бастионами. Напрасно Императоръ укрѣплялъ его ежедневно, чтобы найти тутъ надежное убѣжище противъ мщенія тѣхъ, которыхъ оскорблялъ онъ. Палень, какъ и другіе начальники заговора, звалъ его проходы.

За нѣсколько часовъ до исполненія замысла этого, Палень прибавилъ число заговорщиковъ, присовокупивъ къ нимъ нѣсколько молодыхъ людей извѣстныхъ фамилій, которые въ тотъ день были разжалованы и тѣлесно наказаны самымъ жестокимъ образомъ за поступки, которые едва ли заслуживали выговора. Палень самъ лично выпустилъ изъ крѣпости несчастныхъ и повелъ ихъ ужинать къ генералу Талызину, начальнику Преображенской дивизіи, который, равно какъ и генералъ Депрерадовичъ, командиръ Семеновскаго, вовлекли въ заговоръ почти всѣхъ своихъ офицеровъ. Не смѣя довѣряться еще солдатамъ, они надѣялись на ихъ послушаніе.

Утромъ того рокового дня, прогуливаясь по Суворовской площади, сопровождаемый любимцемъ Кутайсовымъ, Императоръ былъ остановленъ однимъ челоукомъ низшаго класса, который подалъ ему письмо. Лошадь Императора начала въ это время бѣситься и онъ не могъ его взять самъ, велѣлъ отдать Кутайсову. Оно заключало въ себѣ наибольшія подробности заговора, но Кутайсовъ, идя обѣдать къ Государю, перемѣнилъ свое платье, и, такимъ образомъ, забылъ прочесть письмо.

Платонъ Зубовъ, послѣдній любимецъ Екатерины II, и генераль Бенигсенъ были главами заговора. Они начальствовали одною партіей соумышленниковъ, а Паленъ командовалъ другою, обѣ толпы насчитывали около 50 человекъ, изъ нихъ большая часть была въ пьяномъ видѣ.

Въ назначенный часъ, около полуночи, съ 11 на 12 Марта, приблизились они къ воротамъ Михайловскаго дворца, ведущимъ въ садъ. Имъ отказываютъ входъ.

„Императоръ насъ звалъ,—сказали они,—сегодня у него военный совѣтъ о войнѣ.“ Часовой, обманутый присутствіемъ многихъ генераловъ, исполнилъ ихъ требованіе. Они всѣ тихо идутъ по комнатамъ и останавливаются въ караульной залѣ. Зубовъ и Бенигсенъ отправились вслѣдъ за адъютантомъ Аргамаковымъ, который ежедневно докладывалъ рапортъ Императору. Онъ ихъ провелъ по лѣстницѣ, которая прямо вела въ прихожую, гдѣ находились на часахъ у императора два гусара и также одинъ лакей. Проходя по коридору, черезъ который надобно было достигнуть двери, они были остановлены часовымъ, который имъ закричалъ: „остановись тамъ, кто идетъ?“ Бенигсенъ ему отвѣчалъ: „замолчи несчастный, ты видишь куда мы идемъ.“

Часовой понялъ въ чемъ дѣло, и наморщивъ брови, закричалъ: „рунтъ, проходи.“

Такимъ образомъ, если бы императоръ и услышалъ этотъ шумъ, онъ могъ бы прямо увѣриться, что это обходъ рунта. Послѣ этого происшествія, адъютантъ Аргамаковъ продолжалъ идти съ наивеличайшею поспѣшностью и тихонько постучалъ въ дверь комнаты камердинера. Этотъ, не отворяя, спрашивалъ его, что ему надобно.

„Я иду докладывать рапортъ свой.“ — „Что, развѣ глупы вы, теперь только полночь.“ — „Что говоришь ты, уже шесть часовъ, отворяй скорѣй или въ противномъ случаѣ ты навлечешь на меня большую неприятность Императора.“

Камердинеръ отворилъ наконецъ, но, увидя вошедшихъ въ комнату семь или восемь человекъ съ обнаженными шашками въ рукахъ, онъ спрятался въ уголъ комнаты. Одинъ изъ гусаръ, болѣе смѣлый, хотѣвшій съ храбростію сопротивляться, получилъ въ голову сабельный ударъ, и тотчасъ же повалился, но извѣстилъ государя, закри-

чавъ: „Измѣна, измѣна“... Другой гусарь убѣждалъ. Такимъ образомъ, Зубовъ и Бенигсенъ проникли въ спальню императора. Зубовъ не найдя Павла въ постели, закричалъ: „Великій Боже, онъ спасся“... Бенигсенъ, болѣе храбрый, сдѣлавъ тщательный обыскъ, отыскалъ Императора за панелью одной ширмы. Тогда онъ подходитъ къ нему, салютуетъ своею шпагою и объявляетъ, что онъ арестованъ по приказанію Императора Александра I-го, что его жизнь будетъ сохранена, но чтобы онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго сопротивленія.—Павелъ не отвѣчалъ ничего; при свѣтѣ лампы можно было видѣть все замѣшательство и ужасъ, которые выражались на лицѣ его.

Бенигсенъ, не теряя времени, сдѣлалъ вѣрный осмотръ въ его комнатахъ, одна только дверь была въ ней, ведущая въ покои императрицы, а другая комната, въ которой находится гардеробъ, была безъ прохода. Остальные двѣ были наполнены различными бумагами и тутъ хранились войсковыя знамена, такъ и великое множество шпагъ, принадлежащихъ арестованнымъ офицерамъ.

Въ то время, какъ Бенигсенъ запираетъ эти двери, клалъ ключъ отъ нихъ въ карманъ свой, Зубовъ безпрестанно повторяетъ Императору по русски: „государь, вы арестантъ Императора Александра.“— „Какъ арестантъ?“ отвѣчалъ Императоръ. Минуту спустя онъ прибавилъ: „Что сдѣлалъ я вамъ?“— „Въ продолженіе четырехъ лѣтъ вы тиранили насъ,“ отвѣчалъ ему одинъ изъ заговорщиковъ.

Императоръ былъ въ спальномъ колпакѣ, и на своей рубашкѣ имѣлъ только фланелевую фуфайку, онъ стоялъ передъ злодѣями съ голыми ногами, заговорщики же были въ надѣтыхъ на головахъ шляпахъ и съ обнаженными шпагами въ рукахъ.

Но въ то время, какъ заговорщики входили къ Павлу, въ то время, когда они болѣе всего надѣялись на Палена, этотъ идетъ ко дворцу съ полкомъ гвардіи, и ежели предпріятіе будетъ имѣть успѣхъ, то онъ идетъ способствовать ему, ежели же нѣтъ, то онъ идетъ для защиты императора.

Между тѣмъ Платонъ Зубовъ началъ читать актъ отреченія. Павелъ снова старался его тронуть, онъ обращается больше всего къ Зубову, напоминаетъ ему неблагодарность и всю его дерзость. „Ты больше не Императоръ,—отвѣчалъ ему тотъ,—Александръ нашъ Государь.“ Оскорбленный этою дерзостью, Павелъ ударилъ его. Эта отваж-

ность останавливаетъ ихъ, и на минуту уменьшаетъ смѣлость злодѣевъ. Бенигсенъ, замѣтя это, говоритъ, и голосъ его ихъ оживляетъ: „Дѣло идетъ о насъ,—если онъ спасется, мы погибли...“

Тогда Николай Зубовъ, первый поднялъ руку на своего Государя, переломилъ ему правую руку, и подаетъ своею смѣlostью злодѣямъ поводъ въ ихъ предпріятіи. Если бы Павелъ сохранилъ хоть немного присутствія духа, онъ могъ бы спастись или по потайной лѣстницѣ, находившейся подъ кроватью, или черезъ покои императрицы: но страхъ совершенно его уничтожилъ и при первомъ шумѣ онъ бросился съ постели своей безъ всякаго размышленія. Можетъ быть, онъ не смѣлъ появиться передъ императрицей, думая, что такой заговоръ не могъ быть иначе составленъ, какъ съ ея согласія и подъ ея покровительствомъ, которую онъ зналъ столько же любимую народомъ, сколько онъ былъ ненавидимъ.

Въ то время, какъ они были заняты Павломъ, услышанъ былъ нѣкоторый шумъ. Встревоженный Зубовъ бросился тотчасъ же къ великому князю Александру, покои этого Государя находились внизу подъ самыми комнатами отца....

Онъ былъ тогда съ великимъ княземъ Константиномъ, братомъ своимъ и съ двумя великими княгинями, одна изъ нихъ супруга его, а другая брата. Константинъ не былъ извѣщенъ объ этомъ до самаго рокового вечера; хотя и не любилъ онъ Павла, но однако боялся какойнибудь неосторожности съ его стороны.

Эти четыре лица ожидали съ великимъ безпокойствомъ окончанія этого происшествія, приходъ Зубова еще больше увеличилъ ихъ безпокойство.

Съ своей стороны Бенигсенъ, оставшійся въ комнатѣ Павла съ малымъ числомъ заговорщиковъ, былъ въ большемъ затрудненіи; не такъ бы было выгодно ему, если бы Павелъ вооружился шпагой, чтобы защищаться, но сей несчастный государь не произнесъ ни одного слова, и оставался постоянно недвижимъ.

.

Г. Бенигсенъ былъ одинъ только, который избѣгалъ участія въ ихъ поступкахъ, онъ повторялъ только Павлу,—не защищаться.....

Едва Бенигсенъ вышелъ на одну минуту, чтобы засвѣтить свѣчку въ ближайшей комнатѣ, какъ, входя, замѣтилъ Павла, уже лежащаго на полу, и задушеннаго шарфомъ, который снялъ съ себя его адъютантъ Аргамаковъ.

Павелъ защищался уже весьма слабо, только онъ успѣлъ продернуть руку между своей шеей и шарфомъ, и сказать по французски: „*Meusieurs, au nom du Ciel... eparniez moi.. laissez moi le temps de prier Dieu.*“ (Господа, пощадите меня, ради Бога,... дайте мнѣ время помолиться Богу.) Это были послѣднія слова его. Бенигсенъ, видя, что Павелъ не подавалъ никакого знака жизни, положилъ трупъ на постелю и закрылъ голову его одѣяломъ. Капитанъ гвардіи Майковъ, войдя съ 30 человѣками солдатъ, получилъ приказаніе занять всѣ выходы въ комнатахъ покойнаго Государя и никого не впускать туда.

Послѣ этихъ распоряженій, Бенигсенъ успѣшилъ объявить великому князю Александру, какою цѣною онъ вступилъ на престолъ. Александръ предался отчаянію и величайшей горести. Когда Палень, которому назначено было смотрѣніе надъ главнымъ входомъ, и пресѣчь сообщенія съ покоями Павла, въ какомъ бы то ни было случаѣ, узналъ, что великій князь извѣщенъ о участи отца своего, онъ явился къ новому императору. Онъ пришелъ въ то самое время, когда Александръ кричалъ внѣ себя: „Скажутъ, что я убійца моего отца; мнѣ обѣщали не посягать на его жизнь; я человѣкъ самый несчастный въ мірѣ“. Палень, болѣе занятый утвержденіемъ трона новому государю, нежели оплакиваніемъ смерти, сказалъ: „не угодно ли вамъ будетъ вспомнить, что Императоръ не можетъ вступить въ права верховной власти, какъ съ объявленіемъ народнымъ, минута же слабости можетъ имѣть гибельное слѣдствіе; не нужно ни одного мгновенія терять, чтобы явиться къ войску“.... „А моя мать, что съ ней будетъ?“ прервалъ Александръ.—„Государь,—отвѣчалъ Палень,—я пойду къ Ея Величеству.“

Въ самомъ дѣлѣ онъ успѣшилъ явиться къ императрицѣ; онъ проситъ главную даму двора графиню Ливенъ, извѣстить Ея Величество обо всемъ, что случилось.

Что всего замѣчательнѣе,—это сцена ужаса, которая происходила такъ близко отъ покоевъ Императрицы, сна ея. Разбуженная графиней

Ливень, она подумала тотчасъ, что ее хотятъ приготовить къ новости о кончинѣ ея дочери Ерицъ-Герцогини Венгерской. „Нѣтъ, государыня,—сказала ей графиня,—Ваше Величество должны пережить наибольшее несчастье..... Императоръ сейчасъ скончался отъ апоплексическаго удара.....“

„Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнула она,—онъ убитъ!..“

„Итакъ надобно вамъ признаться,“ сказала графиня Ливень. Когда Императрица, одѣвшись съ поспѣшностію, бросилась въ комнату Павла, она нашла въ залѣ, которая отдѣляла ея покои отъ императорскихъ, гвардіи капитана Семеновскаго полка Петторецкаго, командовавшаго 30 человекими, которыхъ генераль Депперадовичъ послалъ туда для занятія караула.

Петторецкій объявилъ императрицѣ, что она не можетъ идти дальше. Государыня настаивала и спрашивала: развѣ онъ не знаетъ ее, отъ кого онъ получилъ это приказаніе. Офицеръ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ честь ее знать, но что приказанія эти ему были отданы отъ его полковника. Не взирая на это Императрица хотѣла пройти мимо часовыхъ, но они подняли ей штыки.

Послѣ того государыня обратилась къ Петторецкому, дала ему пощечину и безъ чувствъ упала въ кресло.

Двѣ великія княжны сопровождали мать свою, Марія и Екатерина, онѣ напрасно старались успокоить ее. Императрица спросила стаканъ воды; одинъ солдатъ вырвалъ его изъ рукъ лакея, который несъ его, и обратившись въ Императрицѣ и выпивши напередъ нѣсколько капель, сказалъ ей: „Вы можете смѣло пить, тутъ нѣтъ яду, покамѣстъ вы еще не подали къ тому повода“.

Наконецъ Императрица возвратилась въ свои покои; Палень пошелъ за нею, чтобы проводить къ сыну; съ большимъ трудомъ пришла она въ себя, впрочемъ имѣла еще довольно твердости, чтобы оспаривать права свои; она утверждала, что послѣ коронованія своего, она настоящая самодержавная Императрица, а потому ей должны присягать въ вѣрности.

Императоръ уже потерялъ драгоценное время, надѣясь слишкомъ на мать. Найдя ее въ этой рѣшимости, онъ обратился къ Палену и

сказалъ ему: „Вотъ новое замѣшательство, котораго мы не ожидали.“ Паленъ, не обращая вниманія, убѣждалъ императора немедленно ѣхать.

Та самая карета, которая была приготовлена для перевезенія Павла въ крѣпость, послужила для переѣзда Александра изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ, гдѣ онъ долженъ былъ получить присягу отъ всѣхъ чиновъ имперіи.

Паленъ и Зубовъ стали за каретой, батальонъ гвардіи провожалъ ее; Бенигсенъ остался возлѣ Императрицы матери, стараясь отвлечь ее отъ тѣхъ намѣреній, которыя замышляла она.

И не безъ труда уговорили Марію Феодоровну отказаться отъ своихъ требованій; такъ очаровательны прелести верховной власти, что и среди этой ужасной ночи ужаса, онъ долго преодолевали еще въ женщинѣ такой добродѣтельной всѣ возможныя опасности, страшный конецъ ея мужа, чувства матери и совѣты осторожности и разсудка. Наконецъ дали почувствовать Императрицѣ, что ей надо признать Императоромъ сына ея. Съ той минуты все пошло, какъ будто Павелъ умеръ естественною смертію.

Хирургъ Кентъ и медикъ Штофъ сдѣлали вскорѣ вскрытіе тѣла Павла и показали въ ученыхъ выраженіяхъ ея причины, которыя произвели смерть Павла. Онъ былъ набальзамированъ, выставленъ въ продолженіе двухъ недѣль на своей парадной постели, и наконецъ похороненъ 23 Марта, въ Петропавловскомъ соборѣ со всѣмъ должнымъ великолѣпіемъ.

Надобно замѣтить, что всякій разъ, когда необходимость церемоніала заставляла Александра приблизиться къ останкамъ отца своего, ужасъ и скорбь изображались во всѣхъ чертахъ его.

Что касается до убійць Павла, они были всѣ удалены, многіе были разсланы по губерніямъ Сибири. Графъ Паленъ былъ самъ принужденъ оставить Петербургъ, и вотъ случай, который послужилъ предлогомъ его удаленія

(Здѣсь рукопись прерывается, а внизу страницы приписано другимъ позднѣйшимъ почеркомъ:)

Павелъ, Императоръ всероссійскій былъ сыномъ Петра III и Екатерины II, родился 1754 года Сентября 20-го дня, вступилъ на престоль 1796 года Ноября 6-го дня, коронованъ 1797 года Апрѣля 6 дня. скончался въ Петербургѣ 1801 года Марта съ 11 на 12; царствовалъ четыре года, четыре дня. Спустя нѣсколько времени послѣ смерти Павла.....

(На этихъ словахъ рукопись неизвѣстнаго автора окончательно прерывается.)

